

ИНВЕКТИВНАЯ ИПОСТАСЬ НОСИТЕЛЯ ДЕФИЦИТА ИНТЕЛЛЕКТА*

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2016 г.

Аннотация: на материале Национального корпуса русского языка и бытовых анекдотов исследуется речевое употребление лексемы «мудак», отправляющей к дефициту социального интеллекта. Устанавливается, что конкретный коммуникативный смысл речевого употребления этой лексемы в значительной мере определяется лицом ее номината. Подтверждаются ее бранно-инвективная и «полулитературная» риторические характеристики.

Ключевые слова: мудак, дефицит интеллекта, речевое употребление, риторический статус.

Abstract: contexts with the lexical unit “mudak”, which designates an individual with the lack of social intellect, is studied on the data from Russian National Corpus and popular canned jokes. The research shows that contextual meaning of this word is greatly determined by the grammatical person of its nominee. Its invective and half-literary rhetorical characteristics are proved.

Key words: ass-hole, intelligence deficiency, speech usage, rhetorical status.

Даже по ощущениям, интуитивно, частотность речевого употребления инвективы «мудак» за последние два десятилетия заметно увеличилась. По данным Национального корпуса русского языка [1], включающего тексты начиная с середины XVIII в. до начала XXI в., слово «мудак» по совокупности форм представлено 364 вхождением в 205 документах, а слово «дурак» 17 299 вхождением в 8151 документе, т. е. соотношение 1:47. В то же время, по данным частотного словаря [2], составленного на основе корпуса современного русского языка, включающего тексты, большинство из которых написаны между 1980 и 1995 гг., частотность слова «мудак» составляет 2.94 ipm (вхождений на миллион слов) при 61.07 ipm для слова «дурак», соотношение уже 1:20. На сегодняшний же день поисковая система Yandex дает для слова «мудак» 2 млн упоминаний при 4 млн упоминаний для слова «дурак» (соотношение 1:2), поисковая система Bing – 233 тыс. упоминаний при 716 тыс. упоминаний для слова «дурак» (соотношение 1:3) и поисковая система Yahoo (Altavista) – 507 тыс. упоминаний при 591 тыс. упоминаний для слова «дурак» (соотношение 1:1). Налицо динамика существенного изменения соотношения частотности речевого употребления этих лексем в пользу более жесткой инвективы. Этот факт, естественно, имеет свое объяснение: появление в качестве средства общения Интернета, рост коммуникативной агрессивности в обществе,

общая тенденция современной речи к детабуизации инвектив.

Наблюдения над рефлексией пользователей Рунета относительно семантики и прагматической окраски лексемы «мудак» [3, с. 115] позволяют составить словесный портрет типичного носителя дефицита социального интеллекта, к которому она отправляет. Это малосимпатичный и ущербный во всех отношениях человек, действия и поступки которого вредоносны не столько для него самого, сколько для окружающих и общества в целом. Его социальный статус достаточно неопределенен, как правило, это мужчина трудоспособного возраста, занимающий на службе какую-нибудь должность низшего звена управления. Он, за редким исключением, от природы глуп, абсолютно неспособен понять другого, непоколебим в своих суждениях, убежден в своей правоте, нетерпим к чужому мнению, агрессивен, самодоволен, обидчив, упрям, не способен учиться на своих ошибках, лишен стыда и совести. Он занудлив и педантичен, хамоват и бесцеремонен, склонен к чрезмерной бюрократии и отличается стремлением к стадности. Дефицит социального интеллекта врожден, его носители неисправимы.

Исследование контекстов речевого употребления лексемы «мудак» в общем Национальном корпусе русского языка, в текстах СМИ и в народных анекдотах, как представляется, позволяет проверить «языковое чутье» авторов интернет-трактатов относительно значения этой лексемы, уточнить и дополнить ее достаточно лаконичное и пока единственное в отечественной лексикографии толкование – «о нудном, докучливом неудачнике» [4, с. 561].

* Начало настоящей статьи см.: Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 22–26.

© Воркачев С. Г., 2017

Дефицит социального интеллекта сегодня – явление, можно сказать, повсеместное, а его носители – вездесущи: «От *мудаков* сегодня / Нет спасенья / Они везде / Нет места, где их нет» [5]. Соответственно, весьма распространена единица лексической номинации этих носителей, представляющая собой в самом общем виде интенсив лексемы «дурак». Она замещает «дурака» в пословицах («*Мудак мудака* видит издалека»; «*Мудакам* закон не писан») и в устойчивых словосочетаниях (*страна мудаков*, *старый мудак* и пр.). В ее семантику включены общие признаки нехватки интеллекта – заторможенность понимания, легковерие, неспособность предвидения последствий и пр.: «Потому что ты *мудак несусветный*. Все равно *ничего не поймешь*, так что можно и правду сказать» (Спектр); «Почему он ее сразу не разглядел? *Мудак*, в живот раненный» (Житков); «Однажды вечером здесь же, у отделения, он невинно проходил мимо, ему было 13, тогда Эди-бэби носил еще длинные волосы, два мусора подозревали его, а когда он подошел, *как мудак*, ничего не подозревая, силой втоптали его внутрь и представили вместе с еще десятком задержанных для опознания какой-то бледной девушке» (Лимонов); «Почему за *мудаков?* – Софья Константиновна, если муж отпускает беременную жену с ребенком от первого брака в кафе к бывшему мужу, зная всю предысторию, суды-муды и так далее, то кто он?» (Соломатина).

Носитель дефицита социального интеллекта, конечно, дурак, но дурак в достаточной мере специфичный: «Так что, *дурак* Тема, *дурак!* Не просто *дурак*, а *мудак*» (Хенде Хох, Гитлер Капут). Эту разновидность глупца отличает, прежде всего, асоциальность как отсутствие понимания последствий своих действий и поступков на окружающих: «Ну что за *мудак*, неужели нельзя было выбрать клуб, где нет ее знакомых!» (Спектр); «Кроме трех картонных коробок на столике стояли литровая бутылка водки («*Мудак* бригадир, если позволяет квасить на службе»), стаканы, дымились в пепельнице сигареты» (Рыбин); «*Этот мудак* опечатал бюро и не дает работать, – объяснил я, указывая на Кушкина» (Левин).

Эти поступки и действия не просто затрагивают интересы окружающих, но и наносят им вред: «А самое страшное – накурившийся на морозе (!) *мудак*, зашедший в лифт» (Всемирный день борьбы с курением, 2011); «*Этот мудак* укусил меня за плечо. Надо его сдать обратно в монастырь» (Месяц); «Например, жгли все военные карты, и тут Петров произносит слово “*мудак*”: этим словом он называет управдома остоженского домовладения, который решил ни от кого не отставать и зачем-то сжег все чертежи канализации и водопровода» (Домовой, 2002.02.04); «Первой будку заметила Нина – телефонную будку, в которой мочился какой-то *мудак*» (Вишневецкая);

«У метро купил еще пива, сидел на скамейке, пил, злился на *мудака*, который обосрал мне весь день своими звонками в дверь» (Козлов). Свои вредоносные действия носители дефицита социального интеллекта совершают непреднамеренно, без злого умысла, и поэтому своей ответственности не признают и своей вины никогда не чувствуют: «Все *мудаки* никогда ни в чем не виновны» (Сурикова).

Если, по определению Гюстава Флобера (Imbéciles: ceux qui ne pensent pas comme vous – [6]), повторенному Аркадием и Борисом Стругацкими («Дурак – это просто инакомыслящий»), «дураки – это те, которые думают не как мы», то носители дефицита интеллекта социального в силу своей «активной жизненной позиции» – это, прежде всего, *инакодействующие* – поступающие так, как поступать, с нашей точки зрения, не следует. Здесь наша точка зрения может соответствовать исключительно нашим личным интересам либо совпадать с нормами социума. В этом плане примечателен анекдот: «Согласно статистике, которая знает всё, Россия и Соединенные Штаты занимают первые места в мире по числу жертв автомобильных катастроф. Ученые объясняют это тем, что в России больше всех плохих автомобилей, а в Америке больше всех *мудаков*» [7].

В семантике лексем «мудак» коннотативная часть отличается особой «мощностью» – ее речевое употребление отражает целый «букет» отрицательных эмоций и оценок: презрение, антипатию, отвращение, раздражение, ненависть и пр. со стороны говорящего: «Дал расписку. – *Мудак*, – Миргородский с *глубочайшим презрением*. – В девяносто восьмом!» (Терехов); «*Этим мудакам*, думает Эди с *презрением*, что дождь, что снег, им лишь бы стучать бессмысленно костями домино» (Лимонов); «*Мудак* ты, – подумал хирург *со злостью*, все более распаясь от сознания вынужденного бессилия» (Валеева); «Врачи могут искренне *ненавидеть* друг друга. “Какой, блин, ты *мудак!* *Мудаком* ты был – *мудаком* и остался!”» (Соломатина). Номинат этой лексем рассматривается говорящим как крайне ущербная личность («Знаешь откуда берется *мудак?* / При производстве людей производственный брак» – The Chemodan), соответственно, получателем речи ее деспективность воспринимается как явное оскорбление, требующее адекватной реакции («Напильником заточенным пырнул парня на танцах, тот его чем-то *обидел*, *мудаком* назвал, что ли» (Лимонов)).

В большинстве контекстов определить конкретную эмоцию, вызвавшую употребление этой лексем в речи, невозможно – она отправляет к общей уничижительной оценке личности номината – «нехорошего человека»: «По моим данным, этого *мудака* убили три недели назад» (Болмат); «И представь, два клиента, два, извини, подмосковных *мудака*, взяли себе

комнаты рядом» (Маканин); «Нам сейчас не до сюскааний, нам надо страну восстанавливать после разрухи 90-х и *мудаков*, которые развалили СССР, а потом чуть не продали Родину» (Антиселигер 2011); «Трагедия таких, как ты, *мудаков* старшего поколения состоит в том, что ваши амбиции времен СССР уже давно не соответствуют реальным возможностям России и ее армии» (Баранец).

В речевом общении номинат *мудака*, как и номинат *быдла* [8, с. 18], за исключением случаев «рефлексивного» употребления, – это любой человек («другой»), отличный от говорящего, как правило, в худшую сторону: «Будет божам радость. Хоть кому-нибудь польза от *мудака*» (Гаррос-Евдокимов). Поэтому представляется вполне объяснимой тенденция этой лексемы к прономинализации в речевом употреблении, когда она начинает функционально замещать подобно соответствующим местоимениям имена личностей.

Эта лексема в речи вполне «органично» дополняет указательные местоимения: «Кажется, *этот мудака* далеко уехал, – весело думал Саша, – кажется, он не мог ничего видеть» (Прилепин); «Запомни, Витя, нет ничего убедительнее в споре, чем русский мат. – Понимаю, – говорит *этот мудака*. – Ты материсься, чтобы подчеркнуть свое равенство со мной» (Володарский); «Укомплектовано заново *теми самыми мудаками*, которые нас убивать приходили» (Дивов); «Но если ты напишешь аварию незнакомого читателю летчика, он, читатель, прочтет и скажет: чего *таких мудаков* пускают в авиацию?» (Бронтман). Не менее органично она дополняет неопределенные и неопределенно-личные местоимения: «Привет, – сказал он, – я тут *одного мудака* подстрелил, не сможешь поднести?» (Абузяров); «Знаешь, Андрюха, – я добродушно улыбаюсь собеседнику, – будем стараться сделать как можно быстрее, но ведь как бывает: *какой-то* гад заболел, *другой мудака* в отпуске, *третий* в командировке» (Спектр); «Пусть он какой-нибудь там Зинкельман или Аранович, пусть он работает академиком или *каким-нибудь научным мудаком*... все равно он – сторож» (Кушнер); «Это один клип забавать *какому-нибудь мудаку попсовому*, вот тебе и будут четыре штуки» (Рыбин); «*Какой-то мудака* стащил с меня куртку, может, тогда и ключи выпали из нее» (Медведева); «Но без всяческих претензий / Заявляю, что ты прав, / Создавая эту ленту / Не для *всяких мудаков*» (Козаков); «*Каждый мудака* начинает изображать из себя учителя жизни» (Шаламов); «Такова уж была традиция в этом учреждении: *какого бы мудака ни* назначила партия, в главном кресле он становился “Самим” без всяких оговорок» (Аксенов). Она дополняет даже личные и вопросительные местоимения: «Спасибо, что пришла на суд, мне было приятно. А почему *моего мудака* не было?» (Наги-

бин); «Вполне вероятно, что завтра *Твой Мудака* снова станет обладателем своей собственной зажигалки, – сказал я Дженни» (Кунин); «Оказывается, *наш мудака* (когда первую букву слова этого написал, думал “мудрец” получится, сама рука другое написала) комроты Кузнецов РЕПЕТИЦИЮ устроить решил» (Сидур); «”Точность – вежливость королей” – *что за мудака* придумал эту шнягу?» (Спектр). Более того, можно предполагать, что в устах людей, «разговаривающих матом», эта лексема лишается своих отрицательно-оценочных коннотаций и функционирует как чисто местоименное образование.

Конкретный коммуникативный смысл речевого употребления лексемы «мудака» в значительной мере определяется лицом ее номината.

В «прямых» контекстах речевого общения, где ее номинатом выступает получатель речи, она отправляет к стремлению говорящего нанести последнему моральный ущерб, оскорбить его и унижить: «А вот думаю, как воссоединить учение Ленина и Христа, а ты, *мудака*, мне мешаешь» (Астафьев); «Шеф внимательно взгляделся в задержанного, икнул и заорал: “Вы кого, *мудаки*, сюда притащили?!”» (Криминальная хроника, 2003.06.10).

В «непрямых» контекстах, где номинат представлен третьим лицом, она передает деспективность говорящего, его низкую оценку интеллектуальных, моральных и прочих качеств этого номината: «Тот, кто свою бабу отпускает в мало-мальскую опасность одну-одинешеньку, – *мудака!*» (Соломатина); «А другой и в монастырь ушел, и мантры поет – а *мудака*» (Клейн); «Андрей Владленович Воронин, начальник пресс-службы по должности и *мудака по жизни*, чья судьба вас, видимо, интересует в первую очередь, – того» (Гаррос-Евдокимов).

В «рефлексивных» же контекстах, где номинатом этой лексемы выступает сам говорящий, как и лексема «дурак» [9, с. 239], она отправляет к его сожалениям и раскаяниям, вызванным поступками, которые он совершил в состоянии как бы временного затмения сознания, «отказа» своих обычно вполне нормальных интеллектуальных способностей: «Курить больше не хотелось, сигарета не убавляла – по обыкновению – дороги, но тошно, безвкусно тянулась вместе с дорогой, и пепел – когда машина билась о ребра узкоколейки – падал на брюки, и водитель косился на то, как Саша сбивал с себя светящиеся точки “*Мудака!*” – выругался Саша, *жалея* прожженные брюки, и выкинул недокуренную сигарету в окно» (Прилепин); «Лежа на полу и прикрывая умную свою голову руками, Боря *проклинал* друга Вову, припершегося с диким предложением, и *себя, мудака*, захотевшего быстро стать богатым» (Таранов); «Я только одного *себе, мудаку, простить* не могу» (Соломатина); «Потом он совладал с собой, воровато огляделся по сто-

ронам, с грустью сказал себе “мудак” и, кепочку надвинув на глаза, нырнул в дыру метро» (Дмитриев); «Другой просто свалил бы без звука, а я, *мудак*, о нем пекусь, себя подставляю» (Белозеров); «То, что *мы, мудаки*, должны были проделать в 1935 году!» (Бронтман).

Наблюдения над синтагматической соположенностью лексемы *мудак*, прежде всего, подтверждают ее бранно-инвективный статус – она, как правило, оказывается рядом с однопорядковыми лексическими единицами отрицательно-эмоциональной окраски: «Тёма, ты *мудак* и *провокаатор*» (Хенде Хох, Гитлер Капут); «Он же, хоть и *мудак*, и *сука*, но не идиот» (Рыбин); «Лара остановила меня холодными словами, что я *мудак* и *слонтяй!*» (Володарский); «И мне кричали в ответ, кричали капризным, нетерпеливым женским голосом, как сквозь буран и вьюгу и тысячу промерзлых пустырей, кричали, гневно звеня, уличные, милые, что замерзли коленки и какой я *козел* и *мудак*» (Садур); «Я их назвала “*гестаповцами* и *мудаками*”, если для них “*мудаки*” и “*коммунисты*” одно и то же, то вопрос этот задайте вашим друзьям, а не мне» (Собчак); «Неумелая работа деревенских сопляков, разнесших витрину оглоблей, – сказал Костя. – *Мудаки! Идиоты!*» (Лимонов); «Не все представители правопорядка были *мудаками* и *негодьями*» (Сурикова).

Эти наблюдения свидетельствуют также о градуальном характере свойства дефицита социального интеллекта, носители которого могут быть *обычными*, *натуральными*, *шаблонными* и *полными* (*совсем, теми еще*), *последними*, *фантастическими мудаками*, *мудаками во всех отношениях*, *дебилоидными* и *безумными*: «Ты не старый добрый волшебник, Макс. Ты *обычный мудак!*» (Соломатина); «...А главные герои – надо сказать, до блевоты *шаблонные мудаки*, в подметки не годящиеся второстепенному касту – уже любят друг друга до потери пульса» (Рапунцель: запутанная история); «Хотел и сам это написать, а так – просто +1. +1 *натуральный мудак!*» (Хенде Хох, Гитлер Капут); «Вот он иногда такой умный, такой сообразительный бывает, а иногда – *мудак мудаком*» (Кунин); «А я, *как мудак последний*, панику развел» (Белозеров); «Вот по поводу того, что я сам – *последний мудак*, здесь двух мнений быть не может» (Климонтович); «Хотя... Есть “*мудак*”. Есть “*полный мудак*”». И, наконец, есть “ну *по-о-олный муд-дак*”» (Измайлов); «*Мудак он полный*. Но его читают все учительницы английского» (Пелевин); «Ну ты и *мудак! Фантастический мудак!*» (Лимонов); «Прохиндея-сержанта, алкоголика-старшину и уж тем более такого, *во всех отношениях мудака*, как их командир, лучше не трогать» (Бояшов); «Или ты *совсем мудак?* – *Совсем мудак*, – соглашался печальный голос» (Пелевин); «Да! Тоже *еще тот мудак*» (Щербакова);

«Ходит полфильма, как пидорок, с открытой грудью и какими-то мощными цепями на шее, кто ему такой прикид придумал – *мудак дебилоидный*» (Блэйд); «Гай Калигула, *безумный мудак*, приказал своему командующему в Сирии и Иудее внести его скульптуры в Храм» (Аксенов).

Появление лексемы «мудак» в составе сравнительного оборота (*как мудак*) свидетельствует, очевидно, о том, что «мудачество» не является в данном случае неотъемлемым свойством номината этой лексемы, оно акцидентально, преходяще, результат, так сказать, «измененного состояния сознания», а его носитель «по жизни» вовсе не *мудак*, аналогично, по меткому замечанию Пьера Даниноса, «когда женщина ... восклицает: “Какая я дура”, она просто хочет сказать, что ее природный ум на этот раз изменил ей»: «А я, *как мудак последний*, панику развел» (Белозеров); «*Как мудак*, за Полярным кругом с вахтовиками и ненцами два года проторчал» (Гладов); «Но ты, *как мудак*, пропустил мимо ушей то, что я сказал тебе про Лысого!» (Кунин).

Из всех адъективных определений этой лексемы наиболее «популярным» в речи выступает прилагательное *старый*, образующее с ней устойчивое словосочетание, отправляющее к некому подобию «лингвокультурного типажа» [10, с. 179] – образу *старого мудака*, объединяющего в себе признаки глупости, старости, вредности, надоедливости, похотливости, старческого тщеславия, суетливости, неряшливости и прочих малосимпатичных свойств: «Она не знала, кто такой “*старый мудак*”, когда дед впервые произнес это словосочетание, но оно так подходило Сене, что я приняла это определение сразу и навсегда» (Соломатина); «Стоило появиться букве (всего-то первой), вожак уже заважничал. Хотел отметить, *старый мудак!* Вожаки тщеславны, их паханская одурь известна» (Маканин); «Этот *старый мудак* готов залезть под юбку любой бабе» (Левин); «“*Старый мудак*” занимает много места, гнусавит и всем портит настроение» (Соломатина); «И – да! – *старый мудак* очень активен. – И где наша маленькая лялечка?» (Соломатина); «Он снимал свое огромное драповое пальто – и отвратительный запах Сени заполнял всю нашу небольшую квартиру. Сень пах “*старым мудаком*”» (Соломатина).

В речевом употреблении этой лексемы изредка фиксируется занудство и губительное простодушие ее номината: «И какого-то *лохового мудака* со временем он станет называть своим папой?» (Спектр); «Она и давала понять Ломакину: Слои отнюдь не *простодушный зануда мудака*, под которого рядится» (Измайлов). Отличительные свойства «мудака» как хронического неудачника (*лоха* и *лузера*) выставляются в анекдоте: «Знаешь, Петя, – говорит жена, – если бы ты участвовал в международном конкурсе *мудаков*,

то занял бы там второе место. – А почему второе? – Да потому что ты *мудак*».

В речевом употреблении этой лексемы обыгрываются ее фоносемантические свойства – совпадение по звучанию со словами других языков: «Двое русских в пабе в Дублине у стойки пьют темное пиво и оживленно беседуют... Бармен прислушивается и вдруг говорит: – *Мудак!* Один из русских реагирует: – Сам *мудак!!!* Бармен возвращается с двумя кружками темного. Русские в шоке! А между тем с точки зрения бармена диалог был следующим: – More dark? – Some more dark!» (анекдот); «Оказалось, что господин Леви вовсе и не думал оскорблять меня, так как, во-первых, слова “*мудак*” он, разумеется, не знал, а во-вторых, “*муд'аг*” означает на иврите “*озабочен*”» (Козаков).

Итак, наблюдения над функционированием лексемы «*мудак*», отправляющей к дефициту социального интеллекта, в современной русской речи позволяют прийти к следующим заключениям.

Конкретный коммуникативный смысл речевого употребления лексемы «*мудак*» в значительной мере определяется лицом ее номината. В «прямых» контекстах речевого общения, где ее номинатом выступает получатель речи, она отправляет к стремлению говорящего нанести последнему моральный ущерб, оскорбить его и унижить; в «непрямых» контекстах, где номинат представлен третьим лицом, она передает деспективность говорящего, его низкую оценку интеллектуальных, моральных и прочих качеств этого номината; в «рефлексивных» же контекстах, где номинатом этой лексемы выступает сам говорящий, она отправляет к его сожалениям и раскаяниям, вызванным поступками, которые он совершил в состоянии как бы временного «отказа» своих обычно вполне нормальных интеллектуальных способностей.

Наблюдения над синтагматической соположенностью лексемы «*мудак*», прежде всего, подтвержда-

ют ее бранно-инвективный статус – она, как правило, оказывается рядом с однопорядковыми лексическими единицами отрицательно-эмоциональной окраски. Эти наблюдения свидетельствуют также о градуальном характере свойства дефицита социального интеллекта и косвенно подтверждают «полуматерный» риторический статус этой лексемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
2. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка / С. А. Шаров // Российский НИИ искусственного интеллекта. – Режим доступа: <http://www.artint.ru/projects/fqqlist.php>
3. Воркачев С. Г. «Чудак на букву мэ» : штрихи к семантическому портрету / С. Г. Воркачев // Язык. Текст. Дискурс. – 2016. – Вып. 14. – С. 105–116.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
5. Режим доступа: <http://www.sonrazuma.ru/artefact.html>
6. Flaubert G. Dictionnaire des idées recues / G. Flaubert. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/ebooks/14156>
7. Режим доступа: <http://www.vysokovskiy.ru/anekdod/mudakov/>
8. Воркачев С. Г. «Быдло» как ключевое слово Рунета / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 16–26.
9. Воркачев С. Г. Показатели интеллектуальной оценки в тексте / С. Г. Воркачев // Lumen natural : аксиология интеллекта в языке. – М. : Флинта, 2017. – С. 225–245.
10. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.

Кубанский государственный технологический университет

Воркачев С. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода

E-mail: svork@mail.ru

Тел.: (861) 259-75-23; 8-918-49-44-580

*Kuban State Technological University
Vorkachev S. G., Doctor of Philology, Professor of the
Scientific and Technical Translation Department
E-mail: svork@mail.ru
Tel.: (861) 259-75-23; 8-918-49-44-580*